

DOI: 10.15393/j9.art.2020.6882

УДК 821.161.1.09“18”

А. Г. Маслова

*Вятский государственный университет
(Киров, Российская Федерация)*

usr11021@vyatsu.ru

Библейские мотивы и образы в поэзии Е. И. Кострова*

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования в творчестве Е. И. Кострова библейских мотивов и образов. В одах поэт часто обращается к ветхозаветным сюжетам и образам, рассматривая их в христианском аспекте. Присутствующие в текстах античные сюжеты, как и ветхозаветные, прочитываются Костровым в свете христианской, православной традиции. Поэт придает секулярному жанру оды христианское звучание, насыщая свои произведения сквозными мотивами Священного Писания. Частотным в произведениях Кострова становится концепт «кротости», подчеркивающий святость православной державы, воспринявшей от Бога заповеди милосердия и смирения, ведущие к духовному спасению. В творчестве Е. И. Кострова сквозными становятся такие библейские мотивы, как мотив двух путей — нечестивого и праведного — с последним соотносится путь России; мотив «избранного» Богом народа — у Кострова таким избранным народом являются не евреи, а россы; мотив Божественного света, нисходящего в мир и искореняющего тьму. Обращаясь к текстам Псалтыри, Е. И. Костров вносит в свои переложения мотивы, отсутствующие в библейском тексте, проявляет свою индивидуальность, раскрывает собственные переживания и сомнения, вступает в полемику с отдельными утвердившимися в его эпоху идеями. Высшими ценностями в творчестве Е. И. Кострова становятся христианские идеалы кротости и ненасилия.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, торжественная ода, переложение псалма, аксиология литературы, ветхозаветные сюжеты и образы

Об авторе: *Маслова Анна Геннадьевна* — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет (ул. Московская, 36, г. Киров, Российская Федерация, 610000)

Дата поступления: 18.07.2019

Дата публикации: 28.02.2020

Для цитирования: Маслова А. Г. Библейские мотивы и образы в поэзии Е. И. Кострова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 92–110. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6882

Ермил Костров — поэт, чье творчество приходится на период последней четверти XVIII века и представляет собой продолжение классицистической линии русской поэзии в эпоху, когда намечаются и совершаются новые открытия, позволяющие литературе выйти на другой уровень: риторический тип культуры постепенно сменяется индивидуально-авторским мироосмыслением. Оставаясь в рамках классицистической поэтики, Костров тем не менее вносит свои оригинальные новации в традиционные классические жанры, проявляя индивидуальную манеру. Индивидуальность поэта, хорошо знавшего библейские тексты благодаря успешной учебе в Вятской духовной семинарии, проявилась в многоаспектном обращении к Священному Писанию в самых различных жанрах.

Современные исследователи показали, что послепетровская эпоха, несмотря на безусловное утверждение светской культуры, не была оторвана от христианства, и писатели XVIII века отразили в своем творчестве духовные основы православного мировосприятия (см.: [Бухаркин], [Дунаев], [Есаулов, 1995], [Захаров, 1994], [Лотман]). Ориентация на библейский текст была репрезентативна для русской культуры в целом, в том числе и в век Просвещения. Отмечая тот факт, что Е. И. Костров, обращаясь к библейским традициям, проявил свою авторскую индивидуальность, мы подчеркиваем, что в русской хвалебной оде преобладали античные образы, а у Кострова мы увидим соединение мифологической и библейской образности, причем последняя проявится не только в ориентации на сюжеты Священного Писания, но и на сквозные духовно-этические мотивы Библии.

Характеризуя одическое творчество Е. И. Кострова, исследователи отмечают широкое использование поэтом библейских мотивов и образов. Г. А. Гуковский писал: «Костров насыщает свои ранние оды славянизмами и всевозможными “библеизмами”, образами, выражениями, мотивами Библии, иногда нарочито архаического и притом величественного звучания» [Гуковский, 1947: 466]. По мнению К. Г. Бронникова, Костров в своих одах «увеличивает количество “библеизмов”, образов и мотивов Библии, добиваясь нового звучания русской оды» [Бронников: 27]. М. Г. Альтшуллер выделяет

следующие библейские мотивы, появляющиеся в ранней оде Е. И. Кострова «На всерадостный день коронации Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 1778 года»: уподобление монархини божеству, появление которого сопровождается сверканием и громом; сопоставление императрицы с Моисеем, перед которым на горе Синай появляется Господь, вручающий заповедные скрижали, но если «там сей гром был знаком казни, рождал смущение боязни», то для россов этот «гром» несет радость [Альтшуллер: 65–66]. Исследователь подчеркивает, что, умело используя характерную для оды поэтику «лирического беспорядка», Костров свободно переходит в этой же оде к мотиву пира Валтасара и образу пророка Даниила, появляющегося с целью истолковать тайные письмена и пророчествовать о благе, ниспосланном россам: «Если Валтасар, его приближенные и Вавилон пали под ударами врагов, то ныне священные письмена, напротив, провозглашают поражение неприятеля и полное торжество Екатерины и России» [Альтшуллер: 67].

Обозначив широкое использование «библейзмов» в качестве отличительной особенности образной системы од Кострова, исследователи, однако, не дали развернутого анализа библейских мотивов и образов его поэзии. Не выявлена функция этих мотивов в одах Кострова, не рассмотрены другие, неодиические жанры, в которых присутствуют библейские образы.

Уже из наблюдений М. Г. Альтшуллера видно, что Е. И. Костров вводит в свои оды сравнения деяний российской монархини с библейскими событиями, при этом обращаясь к архаичным ветхозаветным образам и редко цитируемым отрывкам Священного Писания. Кроме проанализированной исследователем оды «На всерадостный день коронации Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 1778 года» такое сопоставление мы видим в оде «На день рождения Ея Императорскаго Величества Екатерины II, апреля 21 дня 1779 года», в которой способность императрицы сокрушать зло соотносится с эпизодом из 1-й книги Царств, изображающим падение идола Дагона перед ковчегом Господа (1 Цар. 5:2–7):

«В приход Сионскаго Кивота
На праг бездушный идол пал
Во храме студнаго Азота,
И в прах сотершись, не восстал.
Так ты, пришедши во вселенну,
Повергла гордость вознесенну...
Насилие, коварства, злобы
Запечатлела вечно в гробы»¹.

В этой же оде звучит одно из ветхозаветных имен Бога: «И се на облацех эфирных / Адонаи Господь воссел» (27). В оде «На день открытия Общества любителей учености при Императорском Московском университете» (1789) упоминается имя Бога Иегова: «Премудрость имя ей, Иегове совечна...» (119).

Кроме обращения к ветхозаветным сюжетам и образам, Е. И. Костров прибегает к широкому использованию ключевых для Библии мотивов. В 1778 г. поэт создает «Оду на рождение Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Александра Павловича», в которой возникает сквозной для Библии мотив двух путей: истинного, праведного и ложного, нечестивого. Радостно принимают рождение внука Екатерины те, кто, «верности ходя стезями, / Чтут святость прав и царств закон» (18). Но «ходящие в путях неправых» лишь внешне выражают свой восторг, уста их льют «льстивый мед»: «Но в их нутри смущенья волны / И мрачный царствует Борей» (19).

Как можно увидеть, в одах Кострова свободно сочетаются античные и библейские образы: упоминая о душах нечестивых, поэт прибегает к мифологическому образу северного ветра, символически передающего идею мрака, царящего в льстивых сердцах. Упоминание о лукавых, «ядоносных» врагах российского трона, идущих «путями неправыми», в хвалебном панегирике нетрадиционно. Строфы, затрагивающие данную тему, выбиваются из общего восторженного эмоционального тона оды, однако благодаря введению мотива праведного и нечестивого путей, отсылающего к первому псалму и другим библейским текстам, в произведение проникает мысль о праведном пути России, освященной православием, недаром при характеристике только что родившегося царского наследника

перечисляются такие качества, как «премудрость, благодать и щедроты, святых, помазанных доброты» (22). Потомок Петра Первого, в отличие от воинствующего и свирепого Александра Македонского, «мирный Ангел», дарованный Творцом на радость россов, которых автор называет, как израильтян в Библии, «избранным» народом:

«Но ваша коль судьба отменна!
О, Россы, род Творцем избран,
Во время мира вожделенна
Вам мирный Ангел дарован» (18).

Мотив Божественного «избранничества» Российской державы можно назвать сквозным в одическом творчестве Кострова, так как он звучит и в последующих торжественных произведениях. Так, в «Оде на всерадостный день коронации Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 1778 года», в которой, обращаясь к «Предвечному» Творцу, лирический герой восклицает: «В избранной от тебя России / Пактолы, Гангесы златые, / Обогащая нас, текут» (6). Этот же мотив присутствует в «Оде на день рождения Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 21 апреля 1779 года», где упоминается о женах «избранных» и от лица Бога говорится об избранничестве русской монархини, призванной вершить суд Божий, ведь именно с ее помощью Господь рассыплет «гордых царства», расторгнет «зависти коварства», от лица Бога звучит в оде торжественная речь: «Пред Ней сотру кремнисты горы, / И стены с ужасом падут; / Куда прострет пресветлы взоры, / Там лавры с миртом возрастут, / Под кроткими Ея стопами / Усыпан будет путь цветами...» (26). Так, мы видим, что наряду с мотивом «избранничества» в оде 1779 года появляются и другие сквозные для Библии мотивы: падения нечестивых и торжества кротости.

Можно отметить, что концепт «кротость» оказывается определяющим в аксиологической парадигме Е. И. Кострова, так как понятие «кротость» постоянно присутствует в его произведениях и однозначно соотносится с христианским контекстом, выраженном в заповеди «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5). Исследование роли эпитета «кроткий» в поэзии Е. И. Кострова заслуживает особого внимания,

так как практически ни одно из его произведений не обходится без этого понятия. В «Словаре русского языка XVIII века» даются следующие значения слова «кроткий»: «1. Смиренный, незлобивый, уступчивый. <...> // Выражающий незлобность, смирение. <...> // Исполненный незлобности, смирения. <...> // Снисходительный, исполненный терпимости, не строгий. <...> 2. Мирный, спокойный; непритязательный, скромный (преимущественно в произведениях сентименталистов). <...> // Приятный для восприятия; не резкий, не раздражающий»². «Кроткий», то есть «незлобивый», «смиренный», «спокойный». Концепт «кротость» в художественном мире Е. И. Кострова является символом Бога и мудрых Божественных законов, ориентирующихся на спокойствие, мир, милость и правду. Так, в оде «Ея Императорскому Величеству Екатерине II, на открытие Губернии в столичном граде Москве, октября 5 дня, 1782 года», как и в ранней оде «На всерадостный день коронации Ея Императорскаго Величества Екатерины II, 1778 года», сопоставляя русский народ с «когда-то избранным» народом Израиля, воспринявшего с Синае закон Божий, Костров подчеркивает существенное различие: если израильтяне «в ужасе» трепетали от Божественного грома, летящего «из грозных туч», то к россам Господь проявляет «кротость»: «Израиль в ужасе трепещет, / Но росс веселием соплещет / И видит кротка света луч» (72). «Кроткий» луч Божественной воли ниспосылает России мудрые заповеди, провозглашающие ценности милости и правды. Примечательно, что этот же самый сюжет непосредственного восприятия Екатериной и подвластным ей народом Божественных заповедей в Синае, присутствует и в оде «На день рождения Екатерины II и на празднество совершившейся первой четверти столетия от учреждения Московского университета, апреля 21 дня 1780 года»: «Предвечный гласом восхищает / Екатерину на Синае» и пишет ей «правоты законы»:

«Се богописанны скрижали,
Где милость, истина и суд,
Во храмах правды воссияли
И сладостны лучи лиют» (38).

Тот же ветхозаветный сюжет упоминается и в оде «На день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Ека- терины II, июня 28 дня, 1782 года»: «Синайским духом упоена, / Законы кротко предпиши» (66), при этом здесь же возникает уже отмеченный выше мотив «пути» праведного: «Не требуют законов многих / Ходящи Вышняго путем» (66) и ложного: «Да от престола светоносна / Мужей порочных совесть злостна / Бежит и кроется в горах» (66).

Подобные обращения к архаичным сюжетам Ветхого Завета не просто позволяют автору придать оде высокий слог и возвеличить объект воспевания, они подчеркивают характерное для русской православной традиции восприятие Ветхого Завета в христианском контексте. Подчеркивая «кротость» Божественного отношения к россам, неоднократно называя русскую монархиню *кротким Божеством, Ангелом кротким*, автор актуализирует именно христианский мотив смирения и незлобивости. Упоминая о «нечестивых» и «злых», поэт не затрагивает тему наказания и возмездия за нравственные преступления, а говорит о «совести», которая должна заставить идущих по пути неправедному скрыться от величественного сияния правды. Не случайно В. Н. Захаров и И. А. Есаулов в исследованиях по этнопоэтике русской литературы доказывают, что ветхозаветные тексты, в том числе и псалмы, прочитывались писателями XVIII века в свете христианской, православной традиции [Есаулов, 1995, 2013], [Захаров, 1994, 1998]. Так, И. А. Есаулов пишет: «...для русской культуры, разумеется, был аксиоматичным именно христианский контекст понимания Библии. И ветхозаветный Адам, и царь Давид понятны и близки русскому православному человеку в *хри-стоцентричном* смысловом поле, как оно представлено в русской православной традиции с ее иерархией Закона и Благодати и другими подобными аксиологическими предпочтениями» [Есаулов, 2013: 16–17]. Такое христианское прочтение ветхозаветных сюжетов и образов присутствует и у Е. И. Кострова.

Можно подчеркнуть и другую тенденцию. Не только Ветхий Завет прочитывается русскими поэтами XVIII века в свете христианской концепции. Выше уже отмечалось свободное

сочетание в одах Е. И. Кострова элементов античной мифологии с библейской символикой и образностью, при этом античные сюжеты и образы, как и ветхозаветные, осмысляются в контексте, близком православной русской традиции. Приведем пример из оды «На день рождения Ея Императорского Величества Екатерины II, апреля 21 дня 1781 года». В XI и XII строфах упоминаются Богини Фемида и Минерва, с которыми в русской одической традиции соотносится Екатерина II. Фемида утвердила «безмездный, правый суд» в своих храмах, Минервой «избранные» мужи «те храмы бодрственно стрегут / Законы, Ею начертанны, / В ковчеге совести блюдут» (57). Однако, как подчеркивает автор оды, законом для Фемиды и Минервы является «горний свет»: «В скрижалях Творческих нетленных / Ей духом вышним откровенных / Она свои уставы чтет» (57). Так мифологические образы трансформируются под пером поэта в библейские, поэтом утверждаются истинно христианские ценности милосердия и сострадания: под покровом Екатерины, живущей по законам Господа, «согбенны старостью не стонут / И сироты в слезах не тонут» (57).

Наряду с такими мотивами, как противостояние двух путей — праведного и нечестивого, Божественная «избранность» и «кротость», сквозными в творчестве Е. И. Кострова являются мотивы, связанные с символикой света и тьмы. Световой сюжет, соотносящийся с библейской символикой и образностью, актуализирует идею нисхождения Божественного света в мир и установления мудрых законов.

В «Оде на всерадостный день коронации Ея Императорского Величества Екатерины II, 1778 года» свет становится неотъемлемым атрибутом Бога и Небесных ангелов, осеняющих Россию, ниспосылающих на землю мудрые заповеди.

«Глаголы уст твоих предвечны,
Речешь — и тако свет течет;
Ты перст прострешь — и все послушно:
Вся внемлет тварь единодушно» (7).

День коронации Екатерины мыслится как день Божественного освящения России, день нисхождения Высшего света на

россов. Божественный вестник, осененный «нетленным блеском», возвещает Москве и россам Высшую благодать, носителем которой является Екатерина: на российскую императрицу нисходит «небесный свет», монархиню украшает сияющий «венец, от бисеров сложенный» (8–9).

В оде «Ея Императорскому Величеству Екатерине II, на открытие Губернии в столичном граде Москве, октября 5 дня, 1782 года» Е. И. Костров обращается к библейскому сюжету о сотворении мира:

«Когда он рек: да будет свет,
Как сей глагол непостижимый,
Обилием неистощимый
Стихий вражду собой пресек» (72).

В оде упоминание о библейском творении света и отделении света от тьмы соотносится с деяниями Екатерины: «Творцу Богиня подражает, / Когда что ново созидает» (70), тем самым подчеркивается мысль о светоносных, отрицающих рознь и вражду, замыслах русской императрицы.

Свет — это и символ праведного пути, по которому стремятся идти сыны Господни. Обращаясь к Премудрости (лику Божества), лирический герой оды «На день открытия общества любителей учености при Императорском Московском университете» (1789), восклицает: «Ущедри, буди вождь: да света мы стезями / И в правоте души течем в начатый путь» (120).

В целом, говоря об особенностях одических произведений Е. И. Кострова, посвященных торжественным случаям государственного масштаба, следует отметить, что в ранних одах библейских образов значительно больше, чем в одах после 1783 года, что может объясняться как угасшим интересом поэта к данному жанру, так и влиянием державинских открытий, ориентирующих на обновление устаревающих классицистических форм.

Библейские мотивы в более поздних произведениях Е. И. Кострова появляются в других, неодических, жанрах. Так, в 1791 г. были созданы «Стихи на освящение храма в императорском Московском университете, поднесенные преосвященнейшему митрополиту Платону», в которых, как и в одах, посвященных Екатерине, сквозным становится мотив «кротости»: «Простри

твой кроткий взор, познай, великий Муж, / Пылающе тебе усердных жертву душ!» (168); «Коль умиленные из уст твоих мольбы / И сердца кроткого текут к Царю судьбы!» (168). Присутствует также мотив праведного света, искореняющего зло: «Пороки от твоих бесед спешат во мрак: / Несносен им лучом доброт сияющ зрак» (169).

В «Стихах» создается образ служителя Церкви, избранного Божественной Премудростью. Подчеркивается духовная сила мудрого слова Пастыря, которое соотносится с «благодетельным дождем», автор произведения называет речи Платона «струями благих словес, божественных советов...» (168). Это священное слово, исходящее из уст наместника Премудрости, «бескровно» уничтожает «мира помыслы», то есть способствует утверждению духовно-нравственных христианских идеалов.

Слово Платона направлено на свободный выбор слушателей, увлекающихся этим Словом, идущих за православной верой согласно своей свободной воле, чувствующих, что этот «кроткий» голос возвещает для всех страждущих христианское спасение:

«Где сердце каменно, где груди тако хладны,
Чтоб, ощутя огонь от уст твоих отрадный <...>
Не разлились, как воск, в струи умильных слез?» (169).

При этом, будучи направлено против врагов христианства, слово Платона, как острый меч, способно поразить «противника Христова»:

«Коль страшен воин ты, как меч приемши слова,
Разишь им хитрого противника Христова!» (169).

Слово Платона — действенно: «Пороки от твоих бесед спешат во мрак»; «О Пастырь! кто, как ты, среди мирной брани воин?» (170). Следуя древнерусской житийной традиции, Е. И. Костров приписывает своему адресату целый спектр христианских добродетелей: «Защитник Истины, сединами почтенный, / Друг человечества любезный, вожденный, / Отрада бедности, утеха сиротства...» (170). Так, мы видим, что в создании образа церковного деятеля поэт актуализирует христианские мотивы: Премудрости, животворящей роли христианского слова и света, разгоняющего мрак, кротости

и ненасилия как высших нравственных ценностей. Священник несет Божественный свет в мир, способствует торжеству истинной веры и мудрости.

В 1796 г. Е. И. Костров создает «Стихи на день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Екатерины II», в которых присутствуют аллюзии из 81-го псалма. Произведение открывается следующими строчками:

«Облекся в громы Бог, ста в сонме Он Богов,
И рек: коль правдою не судите вселенной,
И нет в вас истины для сирых и для вдов,
И всюду царствует дух лести ухищренной —
На Север днесь свои прострите очеса,
Да светлостьми его они приозарятся...» (170).

Е. И. Костров, используя прием антитезы, изображает два типа правителей: первым, не исполняющим свой долг перед подвластным народом, звучит обвинительный акт, вторые — подобные русской монархине Екатерине — заслуживают похвалы. Примечательно, что Е. И. Костров в свою интерпретацию 81-го псалма вносит отсутствующие в оригинальном библейском тексте мотивы. Во-первых, присутствует мотив грозного возмездия за несправедный суд. В псалме: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд» (Пс. 81:1), у Кострова Бог «облекся в громы». Во-вторых, возникает мотив лести: «всюду царствует дух лести нечестивой», в псалме мы видим другую мысль: «Доколе будете вы судить несправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?» (Пс. 81:2). Понятие «лицепрятие» означает «пристрастное отношение к кому-, чему-л., предпочтение одного лица другому (из дружбы, выгоды и т. п.)»³, но не лезть. По нашему мнению, введение этих мотивов обусловлено ориентацией Е. И. Кострова на державинское произведение «Властителем и судиям», имевшее несколько редакций, последняя из которых была преподнесена в составе рукописных сочинений Г. Р. Державина Екатерине II в 1795 г. и вызвала скандал: Державина обвинили в «якобинстве», и ему пришлось оправдываться за свою «вольную» интерпретацию библейского текста. Оба мотива, прозвучавшие у Кострова, присутствуют и в державинском переложении, где поэт актуализирует тему обмана (лукавства, лести) и возмездия несправедным

властителям (см. об этом: [Маслова, 2018]). Включая в свое произведение строки из псалма, считавшегося при дворе Екатерины после разразившейся французской революции «якобинским», Е. И. Костров предлагает свою интерпретацию, противопоставляя абстрактному образу неправедных «земных богов» добродетельных правителей, а именно — Екатерину II.

В первой строке в «Стихах на день восшествия на престол Ея Императорскаго Величества Екатерины II» звучит мотив «грома», символизирующего гнев Божий, и этот мотив, соотносящийся с образом орла, становится сквозным в произведении. Орел, символизирующий Россию и русскую монархию, — грозный «грома друг», «громоноса друг», он наводит страх на «противных» и «завистливых»:

«Парит пернатых вождь к подоблачным странам,
Шумят его крыле, гнетут противных страхом,
Наводит мрачный сон завистливым очам
Единым грозным он победоносным махом» (171).

Наряду с библейским мотивом грозного возмездия нечестивым появляется и мотив милости к «невинным» и «бессильным», звучащий в 81-м псалме: «Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; исторгайте *его* из руки нечестивых» (Пс. 81:3–4). При изображении россов-победителей подчеркивается их милосердие: «Но победители — как россы — милосерды» (172). Екатерина представлена как «друг мира», «друг щедрот», «пример кротчайшей власти» (171). Костров использует превосходную степень прилагательного «кротчайшая»: в высочайшей степени смиренная и снисходительная власть российской монархии, провозгласившей ценности милости и правды, противопоставлена «злобному коварству» неправедных и льстивых правителей. Так, строки 81-го псалма помогают Е. И. Кострову подчеркнуть мысль о том, что русская монархия, в отличие от неправедных властителей, следует воле Творца и, сообразуясь с законами высшей справедливости, выступает либо в качестве орудия грозного Божественного возмездия нечестивым, либо несет милость и покровительство нуждающимся в ее защите.

В том же 1796 г. Е. И. Костров пишет «Переложение псалма 18-го» которое было опубликовано в альманахе Н. М. Карамзина «Аонида». Примечательно, что в том же самом году к созданию стихотворения по мотивам этого же псалма обратился Г. Р. Державин («Доказательство творческого бытия»).

К жанру переложения псалмов в XVIII веке обращались многие поэты. Этот жанр, основанный на ориентации на библейский текст, в то же время воспринимается в XVIII столетии и как жанр светской лирики, сложившийся в культуре в период ее секуляризации (см.: [Луцевич]). Изначально тексты псалмов, как верно замечает Г. В. Синило, представляют «лирику в самом непосредственном значении этого слова — как самораскрытие и самоисследование души человека» [Синило: 5], и переложения псалмов позволяют авторам XVIII столетия преодолеть классицистическую абстрактность, выразить свою индивидуальность, свои личные переживания. А. В. Западов подчеркивал, что уже М. В. Ломоносов подходил к псалму не как к религиозному тексту, а исходя из желания «как-то выразить свои собственные чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [Западов: 98]. Таким же подходом к интерпретации библейских псалмов характеризуется творчество А. П. Сумарокова, о чем писал Г. А. Гуковский: псалмы Сумарокова — это лирические песни о человеке, «изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок» [Гуковский, 2001: 56].

Е. И. Костров выбирает для переложения Псалом 18-й, представляющий собой гимн прекрасному миру, сотворенному Богом. Однако восхищение Творением осложняется и у Державина, и у Кострова мыслью о доказательстве Божественного бытия. Так, в переложении Е. И. Кострова читаем:

«И нет словес, и нет языка,
Где б гласы их, что есть Владыка,
Не возвышались во слышание всем»⁴.

Подобной темы нет в оригинале. Кроме того, отсутствуют в оригинале и такие мотивы, появляющиеся в тексте Е. И. Кострова, как обновление души в вере, «невинность», просьба о прощении и милости Божьей, усилен мотив «радости», связанный с преодолением лирическим героем периода сомнений и трагического смятения (см. об этом: [Маслова, 2017: 37–38]).

Все это связано с актуальными для XVIII столетия явлениями: в русскую культуру проникают с Запада материалистические и атеистические идеи, заражающие души даже самых образованных людей. Возможно, и Е. И. Костров пережил в какой-то момент период «безбожия», а преодолев свои сомнения, вернувшись к убеждению о присутствии Творца в мире, испытал радость и обновление в своей душе. Справедливыми в связи с этим могут считаться выводы В. Н. Захарова о спасительной силе православной культуры для русского человека: «...*русская культура (и литература) православна*, а это значит, что она была пасхальной, спасительной и воскрешающей “мертвые” и грешные души; она соборна, в ней Благодать всегда выше Закона» [Захаров, 1998: 5] — и И. А. Есаулова о значимости православного сознания для русских писателей XVIII века: православная традиция «была все-таки, несмотря на нарастание секулярных тенденций, одновременно культурной почвой и воздухом, которым дышали русские люди» [Есаулов, 2013: 20].

Таким образом, в ходе исследования функционирования библейских мотивов и образов в творчестве Е. И. Кострова, выявлено особое внимание поэта к ветхозаветным сюжетам. Костров прибегает к сопоставлению государственно значимых деяний русской императрицы с событиями, описанными в Священном Писании. Подобный художественный прием выполняет несколько функций: во-первых, автор подчеркивает, что все деяния русской монархии являются выражением Божественной воли; во-вторых, обращение к архаичным библейским сюжетам и образам придает оде более торжественное и величественное звучание.

Одним из наиболее часто упоминаемых сюжетов в костровских произведениях стал сюжет о дарованных Моисею в Синае Божьих заповедях, при этом, сравнивая «грозное» и наводящее страх на евреев явление Господа, описанное в Ветхом Завете, поэт показывает, что Россия приняла законы Божьи без страха, Господь явился русской монархине в любви и «кротком» свете. Кроме мысли о непосредственном восприятии Россией Божьих заповедей из рук самого Господа, интерпретация ветхозаветного сюжета в христианском аспекте Божественной

любви и милости позволяет Е. И. Кострову подчеркнуть святость православной державы, воспринявшей от Бога заповеди милосердия, кротости и смирения, ведущие к духовному спасению.

Присутствующие в одических текстах Е. И. Кострова античные сюжеты, как и ветхозаветные, прочитываются в свете христианской, православной традиции, что связано с индивидуальными особенностями автора, получившего образование в духовной семинарии и стремившегося придать секулярному жанру христианское звучание.

В творчестве Е. И. Кострова сквозными становятся такие библейские мотивы, как мотив двух путей — нечестивого и праведного — с последним соотносится путь России; мотив «избранного» Богом народа — у Кострова таким избранным народом являются не евреи, а россы; мотив Божественного света, нисходящего в мир и искореняющего тьму. Высшими ценностями, утверждаемыми в творчестве Е. И. Кострова, становятся христианские идеалы кротости и ненасилия.

Обращаясь к текстам Псалтыри, Е. И. Костров по-своему интерпретирует псалмы, ориентируясь на злободневную общественную ситуацию или на личностно-значимые вопросы. Внося в псалмы мотивы, отсутствующие в оригинальном тексте, поэт проявляет свою индивидуальность, раскрывает собственные переживания и сомнения, вступает в полемику с отдельными утвердившимися в его эпоху идеями.

В целом обращение к библейским мотивам и образам в творчестве Е. И. Кострова претерпевает определенную эволюцию. До 1783 г. поэт широко использовал ветхозаветные сюжеты и образы в своих одах, в последующие годы в других, неодических, жанрах, более значимыми становятся библейские мотивы, актуализирующие духовно-нравственные христианские идеалы. В последний год жизни Е. И. Костров обращается к интерпретации псалмодических текстов.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века» № 17-04-50062-ОГН.

- ¹ Костров Е. И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: в 2 ч. СПб.: Императорская типография, 1802. Ч. 1. С. 31. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984— (продолжающееся изд.) Вып. 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/11.htm> (04.06.2019).
- ³ Там же.
- ⁴ Костров Е. И. Переложение псалма 18 // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М.: В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1796. Кн. I. С. 199–202.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Г. В тени Державина: литературные портреты. — СПб.: Пушкинский Дом, 2014. — 616 с.
2. Бронников К. Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. — М.: Прометей, 1997. — 80 с.
3. Бухаркин П. Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: проблемы культурного диалога. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. — 172 с.
4. Гуковский Г. А. Костров // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. / ред. Г. А. Гуковский и В. А. Десницкий. — С. 462–472.
5. Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 352 с. (Studia philological. Series minor)
6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература XVII–XX вв. — М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2002. — 1056 с.
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — 288 с.
8. Есаулов И. А. Словесность русского XVIII века: между ratio Просвещения и православной традицией // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — Вып. 11. — С. 7–26 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430908318.pdf (05.07.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2013.367
9. Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). — М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. — 312 с.
10. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 5–10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370>. (05.07.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370
11. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 5–30 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (05.07.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472

12. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. — Таллин: Александра, 1993. — Т. 3. — С. 127–137.
13. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — 608 с.
14. Маслова А. Г. Философские мотивы в поэзии Е. И. Кострова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 36–40.
15. Маслова А. Г. Интерпретация 81-го псалма в поэзии Е. И. Кострова // *Libri Magistri*. — 2018. — Вып. 6: Аксиологический диалог культур. — С. 69–75.
16. Синило Г. В. Псалтырь (Книга Хвалений) в контексте мировой культуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом: специальный выпуск. — 2009. — № 4. — С. 4–18.

Anna G. Maslova

*Vyatka State University
(Kirov, Russian Federation)*

usr11021@vyatsu.ru

Biblical Motifs and Images in E. I. Kostrov's Poetry

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 17-04-50062-OGN.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of biblical motifs and images in E. I. Kostrov's works. In his odes the poet often refers to the Old Testament scenes and images through the prism of a Christian aspect. Kostrov considers ancient and the Old Testament subjects in the light of the Christian and Orthodox tradition. The poet attributes a Christian sound to the secular genre of the ode, saturating his works with the motifs of the Holy Scriptures. Kostrov often uses the concept of "meekness" emphasizing the sanctity of the Orthodox power, which gets commandments of mercy and humility from God leading to spiritual salvation. The motif of two paths — the unholy and righteous ones — becomes cross-cutting in Kostrov's poetry. The path of Russia corresponds to the latter one. The motif of divine light descending into the world and eradicating the darkness is the motif of the people "chosen by God". According to Kostrov, not the Jews but the Russians are such a people. Working with the texts of the Psalms, Kostrov introduces his own motifs, shows his individuality, reveals his own experiences and doubts, and disagrees with some ideas of his era. Christian ideals of meekness and non-violence are the main values in E. I. Kostrov's poetry.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, solemn ode, rewriting of the Psalm, axiology of literature, Old Testament plots and images

About the author: *Maslova Anna G.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University (ul. Moskovskaya 36, Kirov, 610000, Russian Federation)

Received: July 18, 2019

Date of publication: February 28, 2020

For citation: Maslova M. G. Biblical Motifs and Images in E. I. Kostrov's Poetry. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 92–110. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6882 (In Russ.)

References

1. Al'tshuller M. G. *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the Shadow of Derzhavin: Literary Portraits]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014. 616 p. (In Russ.)
2. Bronnikov K. G. *Poet os'mnadsatogo stoletiya. Tvorcheskiy put' E. I. Kostrova* [The Poet of the Eighteenth Century. E. I. Kostrov's Creative Way]. Moscow, Prometey Publ., 1997. 80 p. (In Russ.)
3. Bukharkin P. E. *Pravoslavnaya Tserkov' i russkaya literatura v XVIII–XIX vekakh: Problemy kul'turnogo dialoga* [The Orthodox Church and Russian Literature in the 18th — 19th Centuries: Problems of Cultural Dialogue]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 1996. 172 p. (In Russ.)
4. Gukovskiy G. A. Kostrov. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh* [History of Russian Literature: in 10 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947, vol. 4, part 2, pp. 462–472. (In Russ.)
5. Gukovskiy G. A. *Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. 352 p. (In Russ.)
6. Dunaev M. M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslavie i russkaya literatura XVII–XX vv.* [Faith in the Crucible of Doubts: Orthodoxy and Russian Literature of the 17th — 20th Centuries]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2002. 1056 p. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. The Russian Literature of the 18th Century: Between the Ratio of Enlightenment and the Orthodox Tradition. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 7–26. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430908318.pdf (accessed on July 5, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2013.367 (In Russ.)
9. Zapadov A. V. *Poety XVIII veka (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin)* [The Poets of the 18th Century (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1979. 312 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 5–10. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on July 5, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Orthodox Aspects of the Ethnopoetics of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, vol. 5,

- pp. 5–30. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on July 5, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Russian Literature in the Epoch After Peter the Great and the Christian Tradition. In: *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [Lotman Yu. M. Selected Articles: in 3 Vols]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 127–137. (In Russ.)
  13. Lutsevich L. M. *Psaltyr' v russkoy poezii* [The Book of Psalms in Russian Poetry]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 608 p. (In Russ.)
  14. Maslova A. G. Philosophic Motifs in the Poetry of E. I. Kostrov. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2017, no. 2, pp. 36–40. (In Russ.)
  15. Maslova A. G. The Interpretation of the 81st Psalm in E. I. Kostrov's Poetry. In: *Libri Magistri*, 2018, no. 6, pp. 69–75. (In Russ.)
  16. Sinilo G. V. The Psalter (Book of Praises) in the Context of World Culture. In: *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom: spetsial'nyy vypusk* [State, Religion, Church in Russia and Abroad: Special Issue], 2009, no. 4, pp. 4–18. (In Russ.)